ОТДЪЛЪ II.

1. Критика.

Б. А. Панченко, Крестьянская собственность въ Византіи. Земледпльческій законъ и монастырскіе документы. Софія 1903, XII—234 стр. Извіттія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополів, т. ІХ, вып. 1—2.

Работа г. Панченко задумана интересно и широко. Онъ ставитъ своей задачей интереснейшій вопросъ византійскаго землевладенія, вопросъ объ общине, и пытается поставить решеніе этого вопроса совершенно иначе, чёмъ онъ ставился до сихъ поръ.

Общая мысль г. Панченко сводится къ слѣдующему. «Основной идеей аграрной исторіи Византіи должна быть поставлена личная и наслѣдственная уомком собственность париковъ казенныхъ, вотчиныхъ и проніарскихъ» (стр. 233). «Въ документахъ нѣтъ ни одного извѣстія объ общинномъ землевладѣніи въ смыслѣ праваго общиннаго союза — на участки хозяевъ» (стр. 234).

Такимъ образомъ его книга уничтожаетъ труды Zachariae, Васильевскаго, Успенскаго объ общинномъ владѣніи, т. е. имѣетъ цѣлью переворотъ во всѣхъ построеніяхъ византійской аграрной исторіи. Насколько удалась такая задача? При большихъ ученыхъ средствахъ г. Панченко, при его большомъ умѣньи толковать текстъ, онъ обставляетъ свои положенія очень убѣдительной и сильной аргументаціей. Мы, однако, полагаемъ, что онъ едва ли стеръ съ лица земли старое; больше—едва ли, и убѣдительность его аргументаціи не призрачна.

Работа г. Панченко состоить изъ двухъ, не одинаково обработанныхъ, частей: въ одной онъ имѣетъ дѣло съ земледѣльческимъ закономъ (νόμος γεωργικός), въ другой—съ монастырскими актами. Мы пойдемъ по его слѣдамъ.

Τ.

Какъ извъстно, со временъ Zachariae «законъ» (νόμος γεωργικός) считается одной изъ главнъйшихъ опоръ ученія о земельной общинъ въ Византіи. По Zachariae и Васильевскому дъло представляется такъ: участки

крестьянъ называются въ законѣ «частями», μερίς. Этотъ терминъ ясно указываетъ на раздѣлъ общей земли; пока раздѣла не состоялось, члены общины живутъ въ полной общинносги, лишь фактически имѣютъ мѣсто частныя пользованія. «So lange eine solche Theilung nicht stattgefunden hat, leben die Gemeindeglieder in voller Gemeinschaft (τοῦ χωρίου κοινότης); nur thatsächlich finden Einzelbenutzungen statt (ἐὰν δένδρον ἀνετράφη ὑπό τινος ἐν τόπω ἀμερίστω)» 1).

«Вся земля», — продолжаеть за Zachariae проф. Васильевскій, — «исключая усадебной и находящейся подъ садами, разсматривается, какъ собственность цілой общины (χοινότης τοῦ χωρίου); члены ея (χωρίται) въ отношеніи пользованія суть какъ бы члены товарищества (хогушуюї = socii), что впрочемъ вовсе не исключаетъ фактическаго отдёльнаго пользованія. Когда житель извъстнаго поселенія найдеть подходящее для себя мъсто внутри общинной земли и построитъ на немъ мельницу, то остальные члены общины не только могуть объявить свои притязанія на м'ьсто, какъ принадлежащее всей общинъ, но даже имъютъ право, возмъстивъ издержки, сделаться совладетелями (хогушуог) въ самой мельнице. Впрочемъ, всегда есть возможность предложить дележь общинной земли, что называется μερισμός или μερισία. Каждый получаетъ тогда свой участокъ (μερίς, σκαρφίον), свое мѣсто (τόπος), дѣлается самостоятельнымъ господиномъ (χύριος или δεσπότης) того куска земли, поля или виноградника, который выпаль на его долю. Нужно думать, что пастбища, служащія выгономъ для скота, оставались все-таки въ общинномъ владеніи..... Дележъ можетъ быть признанъ неправильнымъ и отмъненъ, если при этомъ потерпаль одинь изъ членовъ общины. Своимъ участкомъ крестьянинъ или пользуется самъ, обработывая его съ помощью рабовъ, или отдаетъ другимъ свои отдёльныя поля или свой виноградникъ — для обработки изъ-полу, что представляется обычнымъ явленіемъ. Такой половникъ называется ήμισειαστής (а въ новогреческомъ μεσιακάρης (ή) μισυαρικός)».

«Что касается общественных податей, то само собою разумѣется, пока общинная земля еще не поступала въ раздѣлъ, онѣ взносились всею общиною; но и послѣ раздѣла отвѣтственность за всю совокупность податей лежала на всѣхъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ все-таки оставалось то юридическое воззрѣніе, что земля, принадлежащая извѣстной совокупности членовъ составляющихъ общину, есть общая ихъ собственность, и что отдѣльное владѣніе не уничтожаетъ первоначальнаго принципа общинности. Взглядъ этотъ остался господствующимъ и въ позднѣйшемъ византійскомъ правѣ. Сотни лѣтъ послѣ нашей эпохи все еще говорится объ «сельскомъ мірѣ» (ὁμάδες τῶν χωρίων) и о «сельскихъ общинахъ» (ἀνακοινώσεις χωρίων или πενήτων), и остается въ силѣ то вытекающее изъ названнаго принципа правило, что общиная земля не можетъ быть разсматриваема какъ имѣніе, лишенное хозяина, пока остается на лицо хотя

¹⁾ Панченко, стр. 32.

одинъ крестьянинъ (χωρίτης), и что участокъ, сдѣлавшійся празднымъ, т. е. безгосподнымъ, достается общинникамъ (συγχωρίταις) въ извѣстномъ отношеніи къ ихъ участію во взносѣ общей подати» 1).

Такое построеніе аграрных вотношеній въ Византіи кажется г. Панченко совершенно неправильнымъ. Параллельно со взглядами Zachariae онъ даетъ очень опредъленно такія положенія: «такого состоянія, когда земледельцы нашего памятника не имели никакихъ наделовъ, а лишь такого рода Einzelbenutzungen, какъ вращенное дерево, мы представить себѣ не можемъ, и отказываемея понять Цахаріэ» 2). «Если мы», продолжаетъ онъ, «поставимъ себъ вопросъ: существуютъ ли въ Крестьянскомъ Законъ признаки общиннаго владънія и въ какихъ размърахъ, то на первый вопросъ мы всетаки отв тимъ утвердительно въ томъ смыслѣ, что кромѣ личной собственности существуютъ внутри сельской территорін земли иного юридическаго состоянія. Но въ этомъ фактѣ нѣтъ собственно подчиненія личныхъ правъ общему интересу. Общинное владъніе имьло второстепенное, служебное назначеніе и носило характеръ предварительнаго, временного состоянія территоріи. Это была не нераздъльная, но нераздъленная земля. Община оставляла за собою земли худшія или отдаленныя, выгоны и лёсныя угодья. Нераздёленная территорія уступала м'єсто личной собственности при новомъ добавочномъ раздёль, и личная предпріимчивость создавала внутри занятой территоріи новыя права. Тамъ, гдѣ разъ установилась личная собственность, она уже не дълала уступокъ общиннымъ началамъ. За предълами нераздівнных угодій не существовало общинности. Такой нераздівленной территоріи могло и не оказаться, и тамъ, гдё она была на лицо, ея размёры уменьшались путемъ дополнительной совмъстной оккупаціи, создававшей личную собственность на м'єст (τόπος, σκαρφίον), поступившемь въ раздѣлъ» 3). «Разъ собственность отведена, путемъ оккупаціи, т. е. дѣлежа, или путемъ судебнаго приговора (ст. 7), то село не вижшивается въ права собственника» 4).

Мы полагаемъ, что если взгляды Zachariae и Васильевскаго обоснованы на текстъ — довольно слабо и мало убъдительно, то и работа г. Панченко утверждаетъ болъе, чъмъ позволяетъ ученая осторожность.

Допустимъ на время, что нераздъленныя земли—это земли, такъ сказать, запасныя, лишнія, подлежащія раздълу въ будущемъ, и пока лежащія рядомъ съ надълами, и посмотримъ въ какихъ чертахъ характеризуетъ Законъ эти земли.

На этомъ «общемъ» участкѣ мы видимъ до раздѣла плодовыя деревья, п насадившій ихъ зовется ихъ собственникомъ, χύριος. *Больше* на этомъ общемъ участкѣ возможны пашни и сады. Такъ какъ эти сады и пашни пмѣютъ свои границы, — хотя бы и неустойчивыя, подвижныя, — то не

¹⁾ Ж. М. Н. П., ч. 200 (1878), стр. 102-104.

²⁾ Панченко, стр. 33.

³⁾ Панченко, стр. 84. 4) Тамъ же, стр. 85.

значить ли это, что недѣленная земля до раздъла уже раздълена. Это не игра словъ. Земля, состоящая изъ нашень и садовъ, конечно, явно подѣлена, хотя и называется ἀμέριστος, понимая подъ μερισμός раздѣлъ окончательный, какой, напримѣръ, имѣлъ мѣсто при отводѣ усадебъ. Въ чемъ же дѣло? Чѣмъ эта земля отличается отъ земли, такъ называемой раздѣленной? А, конечно, тѣмъ, что эта земля не обособлена въ участки, не выдѣлена навсегда, но подълена съ правомъ передъла. Поэтому συμμέριστος въ 31 ст. по списку Ferrini (см. Панченко стр. 16) едва ли даже не вѣрнѣе чѣмъ ἀμέριστος, потому что это земля соединенныхъ надъловъ. Нужно прибавить, что терминъ συμμερίζω употребяется въ источникахъ и въ другихъ мѣстахъ—для опредѣленія общинно-раздѣльнаго владѣнія и круговой системы платежа. Напр. Арх. Ивера у Успенск. № 5, за 996 г., Υπόμνημα Νιχολαόυ Σπαθάρη... Ἐπίσης μετὰ τῆς μονῆς τοὺς χωρίτας συμμερίζεσθαι τελεῖν τε καὶ το ἐτησιον δημόσιον τοὺς μὲν μοναχοὺς νομίσμα ἕν.

Необходимы ли рядомъ съ такими общинными землями еще μερίδες, въ смыслѣ обособленныхъ вѣчныхъ надѣловъ? Явно, что нѣтъ, не необходимы: могли быть обособлены только усадьбы. Поэтому и μερισμός одинаково можетъ значить и раздѣлъ и передѣлъ общихъ участковъ. Конечно, при такомъ нераздѣленномъ или обще-раздѣленномъ хозяйствѣ (συμμέριστος) могли быть выдѣлены и участки прочнаго характера, но это не будетъ отрицать общину — какъ принципъ.

Г. Панченко справедливо внимательно останавливается на терминъ σκαρφία. Έλν μερισμός γενόμενος ήδίκησε τινας εν σκαρφίοις γεγονώς εν τισιν, άδειαν εγέτωσαν άναλύειν την γενομένην μερισίαν.

«Вмѣсто слов ъ үєүоνως ἔν τισιν другіе списки,—пишетъ г. Панченко (стр. 37—38),—въ томъ числѣ Московскій и младшій Миланскій, имѣютъ ἢ τόποις. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что чтеніе ἢ τόποις позднѣйшее, представляющее собою объясненіе къ слову σχαρφίοις, ставшему не для всѣхъ понятнымъ.

«Между тѣмъ въ немъ главный интересъ статьи. Раздѣлъ или μερισμός, μερισία, согласно всѣмъ редакціямъ текста, имѣетъ примѣненіе къ этимъ σχαρφίοις. Тогда какъ позднѣйшая и обычвая редакція говоритъ собственно, что нѣкоторые изъ участниковъ дѣлежа были обижены ἐν σχαρφίοις, въ древнѣйшемъ Миланскомъ спискѣ находится болѣе ясное чтеніе, указывающее, что самъ раздѣлъ состоялся ἐν σχαρφίοις,—вставляя именно причастіе γεγονώς; различіе однако мало мѣняетъ дѣло: остается несомнѣнымъ, что раздѣлъ имѣлъ мѣсто не по отношенію ко всей территоріи села, но лишь къ какимъ-то σχαρφίοις, являющимся частью таковой территоріи. Статья 8 говоритъ о частичномъ раздѣлѣ или надѣлѣ сельской территоріи. Слова ἐν σχαρφίοις необходимо имѣютъ мѣстное значеніе.

«Основнымъ значеніемъ σαχρφίον является жребій, sors. Такъ и переведено въ Книгахъ Законныхъ: «въ жеребьихъ». Если понимать въ «жребіяхъ» въ томъ смыслѣ, что раздѣлъ случился внутри отдѣльныхъ sortes, то получилось-бы, что доля извѣстнаго хозяина дѣлится между нѣсколь-

кими другими: на такомъ толкованіи остановиться, очевидно, нельзя. Смыслъ σκαρφίοις дается глоссою $\mathring{\eta}$ то́ποις. Мы уже высказались, что раздѣлу должна была подлежать часть территоріи, и статья 8 относится къ частичному раздѣлу. Слова $\mathring{\epsilon}_{\mathsf{V}}$ σκαρφίοις нужно понимать въ смыслѣ частей территоріи, предназначенныхъ къ раздѣлу. Нужно предполагать, что территорія или кусокъ земли, предназначенный подъ σκαρφία, самъ получилъ въ крестьянскомъ обиходѣ названіе σκαρφία» 1).

Мы привели такую большую выдержку въ виду большого ея значенія для нашихъ целей: съ паденіемъ ея толкованія Панченко у него падаетъ все. А мы склонны думать, что понимание термина бидориюм, во всякомъ случав, возможно и иное. «Τόποις-глосса къ σκαρφία», хорошо, но эта глосса даеть что нибудь Панченко въ томъ только случать, если тоπιον не можеть имъть смысла равнаго μερίς — надъль, участокъ. Между τέμτ — τόπος, τόπιον несомивнно имбеть такой смыслъ (см. напр. Πεῖρα 9, 10). Монастырь Нистскій владетть большимъ количествомъ участковъ, чемъ следуетъ по подати.... Какимъ же образомъ они говорятъ за Панченко? Наоборотъ, это лишній аргументъ въ пользу того, что σκαρφίον = надъльный участокъ, а потому разсужденія о томъ, будто «передълъ» касается не всей территоріи села, а только есть первый «разділь» дополнительной общей еще недъленной территоріи, — держить на болье чымо сомнительной опоръ. Мало того, прибавленіе μερισμός γεγονώς εν σκαρφίοις тібіл говорить за передпла. Какъ и естественно, при передвлахъ вовсе не обязательно измѣнялось положеніе всѣхъ, иногда они могли быть частными для одного участника изъ несколькихъ наделовъ въ зависимости отъ измѣненія ихъ семейнаго или податного состоянія. Кажется, на это именно указываеть и хочеть указывать неопредёленное местоименіе τίσιν, которому не мѣсто, если σκαρφία — общая недъленная территорія.

Какъ же тогда хочетъ перевести г. Панченко, если кто обиженъ раздѣломъ бывшимъ въ нѣкоторыхъ общихъ участкахъ его? σχαρφία — есть не участки, а одна недѣленная земля. Здѣсь нѣтъ мѣста множественному числу τίσιν. Скорѣе даже можно именно въ σχαρφία видѣть подвижныя, наименѣе устойчивыя части надѣла, въ отличіе отъ μερίς (не μερίς χωρίου), означающей усадьбу и можетъ быть—участокъ земли, отведенный подъ культуры долгосрочныя. Отсюда ссылка Zachariae на инструкцію Косьмы о передѣлахъ имѣетъ свое значеніе.

Ст. 31 Зак. Зем. Владелецъ сада εν μερίδι χωρίου: если дерево въ участке соседа бросаетъ тень въ его садъ, онъ можетъ потребовать вырубки дерева.

Ст. 32. Если по раздѣлѣ ἐν τόπω ἀμερίστω (συμμερίστω) дерево одного владѣльца окажется въ мѣстѣ другого, послѣдній обязанъ или терпѣть дерево или вымѣнять его на другое.

Мы имѣемъ дѣло съ землей двухъ юридическихъ состояній, но впе-

¹⁾ Панченко, стр. 37-38.

реди стоитъ земля именно въ общинномъ раздѣлѣ (а не недѣленная), да и земли «второго» состоянія— едвали отличны отъ первыхъ по самому существу.

Но не останавливаетъ ли его такое соображение? Если по свъжемъ разділь άμερίστου τόπου дерево другого окажется въ чужомъ участкі, то хозяинъ последняго долженъ терпеть его на своемъ поле, и только имъетъ право, если дерево ему вредитъ, заплатить за него другимъ деревомъ. Теперь тоже на полъ «раздъленномъ», но не вчери ими третьяю дня, а въ мъстъ стараго раздъла по Панченко, — дерево мъщающее только своей тънью саду такого сосъда, по прихоти послъдняго, нужно срубить. Охрана интересовъ хозяина дерева слишкомъ неравномърна, и она слаове въ томъ случав, гдв его права, повидимому больше. Нужно отыскать ръшение странности. А оно именно въ томъ, что въ первомъ случат дело идеть объ опредъленно раздъленныхъ участкахъ, о мъстъ (и деревъ) вышедшемъ изъ состоянія неразграниченной общности (συμμερισμός) на положеніе усадебное, а во второмъ, вопреки Панченко, наоборотъ объ общинномъ полѣ, μερίς γωρίου, участкѣ, не вошедшемъ въ окончательный не подлежащій передёлу т. е. усадебный раздёль, а раздёленномъ непрочно по душамъ, изъ которыхъ одна пахота съ случайнымъ деревомъ въ данномъ случай оказалась въ сосйдстви съ садомъ на частномъ участкѣ (συγγενής μερίς). А если такъ, то мы опять имѣемъ «общинное имѣніе», — а не непод'вленную пока землю. Возможно представить, что вся земля будетъ подёлена. Это не погаситъ основного начала, хотя будетъ имъть свои следствія, какъ ихъ имьютъ слишкомъ редкіе переделы.

Нужно сказать, что выраженіе μερίς χωρίου встрівчается очень часто, но никогда не въ смыслів раздівленной земли въ противоположность αμέριστος, а всегда въ простомъ и непосредственномъ смыслів территоріи (или части территоріи) деревни. Μερίς χωρίου πορταρέας μετά πάντων τῶν δικαίων αὐτῆς παροίκων δηλονότι χωραφίων καὶ τὴν ἐτέραν μερίδα τοῦ χωρίου... (Акты Есфигмена. Въ рук. П. Успенскаго 4. 47).

Теперь двъ статьи о мельницахъ (Ст. 77 и 78 Павлова).

'Εάν τις οἰχῶν ἐν χωρίω διαγνώσηται τόπον κοινὸν ὄντα ἐπιτήδειον εἰς ἐργαστήριον μύλου (μύλωνος) καὶ τοῦτον προκατάσχη, ἔπειτα δὲ μετὰ τὴν τοῦ ἐργαστηρίου τελείωσιν, ἐὰν ἡ τοῦ χωρίου κοινότης καταβοῶσι τοῦ τοῦ ἐργαστηρίου κυρίου, ὡς ἴδιον τὸν κοινὸν τόπον προκατασχόντος, πᾶσαν τὴν ὁσειλομένην αὐτῷ δότωσαν καταβολὴν εἰς τὴν τοῦ ἐργαστηρίου ἔξοδον, καὶ ἔστωσαν κοινωνο τῷ προεργασαμένω. Μельница строится въ «οбщемъ мѣстѣ». Рядомъ имѣемъ κοινοτης χωρίου, который, видя что общее мѣсто занято однимъ изъ членовъ деревни, заявляетъ свои права на соучастіе въ мельницѣ.

Термины указываютъ на общее владъніе, но г. Панченко выставляетъ очень толковое и опредъленное возраженіе. «Слова κοινότης τοῦ χωρίον,

съ соотвѣтственнымъ прилагательнымъ κοινόν (ἐργαστήριον), стоящія въ древнѣйшей извѣстной редакціи, обозначають не болѣе латинскаго сомтипе vici, подобно тому какъ выраженіе όμὰς есть переводъ юридическаго термина universitas. Κοινότις не указываетъ на коммунальный характеръ владѣнія, но означаетъ юридическое лицо, село какъ владѣльца
территоріи, не поступившей въ собственность, полную и наслѣдственную,
отдѣльныхъ членовъ сельскаго общества» 1). «Оно не содержитъ въ себѣ
указанія на общинный характеръ землевладѣнія, въ противоположность
личному: оно означаетъ юридическое лицо, корпорацію, въ данномъ случаѣ являющуюся собственникомъ земли, пока не поступившей въ собственность отдѣльныхъ членовъ» 2). Это правдоподобно, но ключъ къ
рѣшенію вопроса, данный въ редакціи Эклоги, полагаемъ, даетъ иное
чтеніе загадочнаго мѣста. Г. Панченко даже обратилъ вниманіе на самое
существенное въ текстѣ, но не захотѣлъ сдѣлать послѣднихъ выводовъ.

['Εάν τις οἰκῶν ἐν χωρίω ἀγνώμη τοῦ κυρίου αὐτοῦ ποιήση μύλον, ἐἀν ξένος ἐστίν, ἐχέτω αὐτὸν δεκαεννέα χρόνους καὶ ἐξωθείσθω]. εἰ δέ τις ἐν τόπω κοινῷ διαγνώση ἐργαστήριον μύλου καὶ τοῦτον προκατάσχη, μετὰ δὲ τὴν τοῦ ἐργαστηρίου τελείωσιν οἱ τοῦ χωρίου κοινωνοὶ καταβοῶσιν ὡς ἴδιον καὶ κοινὸν τόπον, πᾶσαν τὴν ὀφειλομένην αὐτῷ δοσάτωσαν καταβολὴν εἰς τὴν ἔξοδον τοῦ ἐργαστηρίου, καὶ ἔστωσαν κοινωνοὶ τῷ προεργασαμένω. Ecl. ad. Proch. mut., XXV 20.

Общее мъсто это тоже, что нераздъленное?-Но вотъ хогуоту; находить на общемъ мъсть мельницу построенную незаконно, и путемъ взноса издержекъ вступаетъ во владение ею, делая ее общей. Здесь и начинается интересное для насъ: мёсто подъ мельницей перестаетъ называться хогубу, его называють того хаг хогубу. Такимъ образомъ оно выключается изъ «обще-нераздъленнаго». Очевидно, мы имъемъ дъло съ двумя понятіями. Во владіній мельницей и містомъ подъ ней деревня является собственникомъ действительно въ томъ смысле, какъ хочетъ Панченко: сумма крестьянъ владетъ мельницей на основахъ обычной лично-кориоративной собственности. Каждый соучастникъ-въ своей части полный и самостоятельный собственникъ. Но не безъ причины же,эта собственность и не зовется общей или какъ мы понимаемъ дѣло общинной, а частно-общей (ібсо хотя хосуо́у). А земля, эксплуатированная для «фабрикт», остается общей хогоу. Ясно, что самыя основы общаго владенія землей отличны отъ основь общаго владенія, грусстургоу. Земля не ідсом жай жогоом, но только жогоом не корпоративная, а общинная.

Выдѣленное изъ общаго для пользованія есть «собственное». Усадебный участокъ не подлежить передѣлу, потому что занимается постройками и долгосрочными культурами. Мельница, конечно, тоже дѣлаетъ землю подъ ней неудобной для передѣла. Отсюда она есть «обособленно-соб-

¹⁾ Панченко, стр. 34.

²⁾ Панченко, стр. 34.

ственное». Но вотъ оказывается случай, когда это обмоть выйти изъ общаго: оно становится «обще-собственнымъ».

Нѣтъ, конечно, никакого смысла въ этомъ подчеркиваніи элемента «обособленности» общей мельницы въ общемъ хозяйствѣ, если бы не нужно было характеризовать обычно-общественную собственность, какъ неустойчиво-текучую, подлежащую возможнымъ передъламъ и вообще по основъ своего бытія отличную отъ владъній въ личной собственности. Результать для насъ очень цѣнный: изъ него необходимо вытекаетъ заключеніе о несомнѣнномъ различеніи въ сознаніи авторовъ «закона» основъ общинности.

Впрочемъ тутъ кое-что даетъ и самый текстъ. Панченко переводитъ ст. 18: «Если крестьянинъ сбѣжитъ съ земли, то пусть пользуются (или блюдутъ) платящія казенныя подати».

Върно, но не лучше ли подъ платящими подати разумъть именно общину въ ея представителяхъ. Говоримъ это потому, что славянскій переводъ въ обоихъ статьяхъ настойчиво переводитъ «платящій подати» (οί τῷ δημοσί ω λόγ ω ἀπαιτούμενοι) словомъ волостель.

Тороиясь предупредить возраженіе, которое напрашивается само собой, г. Панченко касается $\frac{1}{2}$ само нодательство привлекало ка несенію податных тяготь лиць ближайшихь, отдавая имъ запуствящія земли по систем $\frac{1}{2}$ само изъвъстный институть быль построень на началахь необщинной, но личной собственности» $\frac{1}{2}$).

Но почему? Наши свѣдѣнія о ἐπιβολή вообще слабы, но если даже понимать ее, какъ г. Панченко, возможны не его выводы.

Монье и его ученики иного мивнія. Они изъ ἐπιβολή выводять всю аграрную систему Византіи. «Въ Византійскомъ νόμφ γεφργικῷ» — пишеть Testaud — «мы видимъ законъ, который первый разъ проводитъ новый «порядокъ», прививавшійся очень медленно. Этотъ «порядокъ» можно разсматривать какъ прямое слѣдствіе принципа ἐπιβολή и въ то-же время какъ базисъ προτίμησις. Мы говоримъ объ общинахъ деревень.

«Когда χωρίτης убѣгалъ, покидая свое поле, государственный законъ навязывалъ пользованіе его землей волей пли неволей одохорог и обязываль ихъ платить подать, которая лежала на оставленномъ участкѣ. Земли vicani, пришедшія въ полное, благодаря разнымъ причинамъ, разстройство, распредѣлялись такимъ-же образомъ и на такихъ-же условіяхъ. Наконецъ, той-же системѣ подчинили и безплодныя земли, иначе говоря, вмѣсто того, чтобы даровать уменьшеніе налоговъ владѣльцамъ земель, оставшихся непроизводительными, раздѣляли эти ἄπορα между ихъ владѣльцами и ихъ сопуісані соразмѣрно съ количествомъ плодородной земли, которою они владѣли.

«Эта система, извъстная подъименемъ ἐπιβολή, явно вела къ введенію

¹⁾ Панченко, стр. 86.

рода круговой поруки передъ налогомъ между всёми орохорог. Спеціальными видами επιβολή были: επιβολή, ουοχήνσων которая касалась частей одной общей земельной территоріи, и ἐπιβολή ομοδούλων, которая распространялась на участки (хозяевъ) большого домена, объединеннаго въ интересахъ фиска. По естественному порядку при такой ἐπιβολή ομοχήνσων разные собственники частей, записанныхъ въ одномъ кадастръ, должны были бояться опасности заплатить часть налоговъ за όμόχωροι, которые стали несостоятельными или убъжали, а потому эти орожучью естественно вынуждены были вступиться и въ дёла и интересы своихъ πλησιόχωροι и уєїточеς, заботясь о томъ, чтобы они не были разорены. Отсюда рождается система, при которой каждый γωρίτης становится отвѣтственнымъ въ платеж вобщихъ налоговъ γωρίου, —система круговой поруки жителей общины передъ казной и взаимнаго надзора. Дальнъйшимъ развитіемъ такого построенія были ανακοινώσεις των χωρίων. Родился принципъ, что каждый владетель не имель на свою землю абсолютного dominium, и что онъ зависклъвъ некоторой мере отъ свопхъ convicani. Сначала земля общая собственность жителей общины, но отъ деревни до крупной волости разстояніе было очень коротко, и потому должна была создаться община-волость» 1).

Мы привели эту выдержку, собственно не представляющую ничего новаго посл'в Успенскаго и Васильевскаго, ввиду большей (зд'всь) определенности въ постановк'в вопроса.

Монье и его ученики хотять сказать, что ἐπιβολή, — какой-бы видь она не имѣла еначала, — вела къ общинѣ и общинному устройству, и около времени «Земледѣльческаго Закона» сдѣлана была большая половина дѣла, а можетъ быть и все. Понятно, что постоянное «вступленіе» въ составъ земель «стиха» извѣстныхъ ὁμόχωροι, новыхъ брошенныхъ земель, и постоянная необходимость распредѣлять эти земли сообразно съ платежной рабочей силой χωρίτου, должны были создать единство, «общность» владѣнія.

Съ другой стороны понятно, что привлеченіе къ соучастію сосѣднихъ деревень и ихъ вводило въ кругъ объединенныхъ общинъ интересомъ поселеній, т.е. расширяло общину. И вотъ «въ» Земледѣльческомъ Законѣ можно уже видѣть признаки того строя, который послѣ должснъ былъ дозрѣть благодаря дополнительнымъ вліяніямъ.

Эти τρύγοντες ήτοι νεμόμενοι άγρον «бѣглецовъ», отошедшихъ на сторону и не платящихъ податей, конечно, не случайные эксплуататоры покинутой земли или сосѣди, это—деревня.

Какъ убытокъ по податямъ съ покинутой земли, такъ и выгоды обработки такой земли одинаково не могутъ падать на сосъдей въ смыслъ обычномъ. Если даже земли ёжоро: чинами фиска вписывались въ

¹⁾ Testaud, crp. 71-73.

стихъ сосъда, это было только формой въ цълхъ сокращенія производства и не мъшало земль возвратиться въ общину.

Въ монастырскихъ актахъ есть достаточно доказательствъ такого возврата. Да они есть и въ νόμ ω γε ω ργι ω ω 0. Укажемъ снова на славянскій переводъ ст. 17—18.

Г. Панченко только по недоразумѣнію хочеть извлечь изъ этихъ статей, говорящихъ противъ него,—выводы въ пользу своей теоріи. «Разъ собственность отведена — пишетъ г. Панченко — анализируя ст. 18 — 19 путемъ оккупаціи, т. е. дѣлежа, или путемъ судебнаго приговора (ст. 7), то село не вмѣшивается въ права собственника» 1).

«Личная и непосредственная отвътственность хозяевъ передъ требованіями государственнаго податнаго обложенія то-же безспорна. Нътъ въ Законъ ни круговой поруки, ни отвътственности общиннаго союза, какъ корпораціи, передъ государствомъ за неисправнаго плательщика, нътъ и правъ общины на недоимочную землю. Даже участокъ, оставленный хозяиномъ, ушедшимъ на сторону, не подлежитъ возврату въ пользу общины. Однажды образовавшаяся личная собственность остается таковою даже и въ подобномъ случать» ²).

«Возвращеніе крестьянина на его участокъ возстановляеть его во владѣніе. Ст. 18 обезпечиваеть не права собственника, которыя въ томъ не нуждаются, но безнаказанность тѣхъ, кто пользовался землею въ его отсутствіи. Такое пользованіе допускается лишь въ томъ случаѣ, когда ушедшій пересталъ платить подати; если-же онъ продолжалъ вносить ихъ, то пользованіе со стороны кого-либо изъ близкихъ или односельчанъ наказывается (ст. 19), какъ присвоеніе чужого имущества, штрафомъ въ двойномъ размѣрѣ извлеченнаго дохода» 3).

Мы совсёмъ не видимъ въ ст. 18, 19 (у Павлова 17, 18) того, что видитъ г. Панченко.

Участокъ ушедшаго обработывають оставшіеся. Если онъ платить подати, то естественно участокъ «до передѣла» остается за нимъ, и тѣ кто пользуется его землей—платятъ, но, думаемъ мы, не сумму двойного дохода, а удвоенную сумму податей: ἐν διπλῆ ποσότητι?—Но чего? ранѣе рѣчь только ο τὰ ἐξτραόρδινα, а двойной доходъ обозначается διπλὴ ποσότης τῆς ἐπικαρπίας. При этомъ сумма, равная подати, представляетъ, такъ сказать, аренду въ пользу διαφυγόντος γεωργοῦ. Впрочемъ боимся да и не имѣемъ нужды настаиватъ на этомъ пунктѣ. Пусть штрафъ состочтъ въ уплатѣ «двойного дохода», вполнѣ понятно — этимъ оберегается право исправнаго плательщика извлекать изъ его надѣла выгоды напр. испольной обработкой (ср. 13 ст. Павлова), и никакого тутъ штрафа за присвоеніе имущества (а это только и важно для г. Панченко) — нѣтъ: такой же штрафъ налагается на испольника взявшаго земли ἀποδηνήσαντος γεωργοῦ и отказавшагося отъ договора.

¹⁾ Панченко, стр. 85.

²⁾ Панченко, стр. 85.

³⁾ Панченко, стр. 86.

Ст. 18 и 19 подучають повидимому силу только въ связи съ яркой 21 ст. «Всѣ три одинаково признають полноту правъ собственниковъ, хотя бы оставившихъ свои участки, называя ихъ χύριοι (domini); занятое въ ихъ отсутствіе недоимочное мѣсто именуется ἄπορος ἀλλότριος τόπος. Статья 21 однако предусматриваетъ, что построившій усадьбу или разведшій виноградникъ на такомъ участкѣ имѣетъ право предложить другой такой же (ἀντιτοπίαν); но ві случаю несогласія собственника и домъ, и виноградникъ должны быть снесены» 1).

Ясно. Въ случа в несогласія собственника.... Какого? Конечно, собственника земли? Только въ этомъ случа в статья говорить за полноту правъ собственника. Въ томъ-то и дпло, что иптъ. Г. Панченко или прямо просмотр в самое главное — хотя въ другомъ м в ст онъ передаетъ в ври ве — или допустилъ слишкомъ неудобную и досадную неточность: согласія влад влад вемли на зам вну и не спращивали. Только въ случа в упорнаго нежеланія узурпатора дать зам вняющій участокъ—его усадьба сносится. Такъ не говоритъ ли это не за, а противъ личныхъ правъ земл ввлад влад влад в земл ввлад в земл в з

Во 2-ой половинѣ изслѣдованія г. Панченко переходить къ обзору арендныхъ формъ владѣнія по «земледѣльческому закону». Здѣсь г. Панченко несомнѣнно оказываетъ услуги изслѣдователямъ византійской аграрной исторіи, основательно доказывая необоснованную смѣлость построеній у Васильевскаго и Zachariae.

Начинаетъ онъ, однако, и здѣсь не достаточно удачно. Онъ полемизируетъ противъ мысли Zachariae, по которому «Крестьянскій Законъ не знаетъ аренднаго договора съ опредѣленнымъ денежнымъ вознагражденіемъ собственника земли, о каковыхъ сдѣлкахъ говоритъ Эклога, тит. 13».

«Оставляя въ сторонѣ Эклогу, должно отмѣтить», говоритъ Панченко, «что и древнѣйшимъ, и позднѣйшимъ текстамъ Крестьянскаго Закона извѣстны подобныя сдѣлки двухъ сторонъ на срокъ, съ извѣстной цѣлью и съ извѣстнымъ, въ договорѣ (устномъ) означеннымъ вознагражденіемъ собственника земли, и съ соблюденіемъ гарантій таковыхъ, какъ задатокъ выдаваемый собственникомъ арендатору. И это не договоръ «исполничества». Если договоръ, обозначаемый тѣми же терминами στοιχῆσαι, σύμφωνα, какъ въ Эклогѣ, имѣетъ въ виду раздѣлъ жатвы пополамъ, то статьи Закона упоминаютъ о томъ: λαβῶν и т. п. ἐφ' ἡμισείҳ; тамъже, гдѣ этихъ словъ нѣтъ, нельзя предполагать половинный раздѣлъ».

Что это такъ — доказываетъ сравнение ст. 14 и 16 изд. Ferr. «Въ первой идетъ рѣчь о несоблюдении договора половникомъ и постановлено, что онъ платитъ двойной сборъ:

έὰν ὁ την ημίσειαν λαμβάνων τοῦ ἀγροῦ μεταμεληθή καὶ οὐκ ἐργάσηται αὐτήν, ἐν διπλἢ ποσότητι τὰς ἐπικαρπίας ἐπιδιδότω.

¹⁾ Панченко, стр. 86.

"Статья же 16 имбетъ въ виду договоръ иного рода:

εάν γεωργός εκλαμβανόμενος γεωργίαν άμπελῶνος ἢ χώρας στοιχήσας μετά κυρίου αὐτῆς καὶ ἀρραβῶνα λαβών διαστρέψας ἀφήση αὐτόν, τὴν τιμὴν τοῦ ἀγροῦ (τὴν ἀξίαν add. Mosqu.) δότω καὶ τὸν ἀγρὸν ἐχέτω ὁ κύριος αὐτῆς (1. αὐτοῦ).

«Въ этой стать в не говорится о раздвив έφ' ήμισεία. Вмѣсто того употреблены термины аренднаго договора ἐκλαμβανόμενος и στοιχήσας, которые не стоять въ статьяхъ о половничеств в, употребляющихъ λαμβάνειν ἐφ' ήμισεία (ст. 12, 13, 14 и 15)» 1).

Все сказанное здѣсь во всякомъ случаѣ сомнительно. Во первыхъ, отмѣтимъ, что терминъ στοιχήση и σύμφωνα употребляется и въ статьяхъ. устанавливающихъ договоръ испольный, именно въ ст. 11, гдѣ говорится ясно объ участіи въ плодахъ и посѣвахъ, по Панченко именно о половинномо раздълю,—а между тѣмъ прибавки λαβὼν ἐφ' ἡμισεία здѣсь нѣтъ. Во-вторыхъ (и это главное), статья 15 (16 Ferr.) тѣсно связана въ 13 и 14, и по связи ихъ, кажется, можно ходъ мыслей представить такъ:

- 13. Испольникъ, задумавшій обработывать взятую имъ землю ушедшаго на сторону хозяина, платитъ «сугубый плодъ».
- 14. Испольникъ, взявшій землю у хозяина, живущаго на селѣ, и отказавшійся до начала работь, когда хозяинъ можетъ принять мѣры къ охранѣ своихъ питересовъ, «неповиненъ», если хозяинъ не ищетъ съ него.

Наконецъ, 15 (16). «Испольникъ, взявшій земли, утвердившій договоръ задаткомъ и протянувшій дѣло до той поры, что хозяину будетъ поздно поправить дѣло, платитъ цѣну земли».

Здѣсь все послѣдовательно и ионятно и нѣтъ мало логичнаго задатка со стороны собственника арендатору,—мало логичнаго, когда хотятъ доказать наличность денежнаго вознагражденія собственника «со стороны пріемшаго дѣлать землю».

Если въ будущемъ деньги долженъ получить собственникъ, то ему нужно получить и задатокъ. Это особенно имъетъ силу когда, дѣло идетъ объ арендѣ, еще болѣе особенно при арендѣ въ «Земледѣльческомъ Законъ», гдѣ все время говорится объ отказахъ отъ работы половниковъ и ни разу объ отказѣ собственника отъ договора съ мортитомъ или половникомъ.

На основаніи текста 15 ст. — самое большее можно говорить о найм'є работника за деньги, хотя правдоподобн'є и «зд'єсь вид'єть испольника».

Результать — не за Панченко, а данный пункть для него серьезень. Серьезны и дальнъйшія возраженія г. Панченко—о морть и половникахъ. Онъ опредъленно высказывается противъ взглядовъ Zachariae, по которому Крестьянскій Законъ ввелъ десятину и тъмъ далъ облегченіе мортитамъ, отдававшимъ когда то шестую часть жатвы, и понизилъ земель-

¹⁾ Панченко, стр. 41.

ную доходность или ренту. Zachariae допустиль рядь гипотезь, приведшихь его къ выводу, будто Крестьянскій Законъ вводиль пониженіе ренты, какъ мѣру иконоборцевъ противъ крупнаго землевладѣнія.

«Отмѣна барщинъ, свободный переходъ и пониженіе земельной ренты собственника—пишетъ Zachariae—повредили чувствительно интересамъ землевладѣльцевъ (Gutsherr), особенно церквей и монастырей по причинѣ ихъ большихъ земельныхъ имуществъ, и поэтому предписанія «Земледѣльческаго Закона, какъ и другія предпріятія Исаврійцевъ, явно разсчитаны на поднятіе крестьянскаго сословія».

Съ нѣкоторыми поправками тоже думаетъ Васильевскій, который впдитъ въ мортитахъ и половникахъ зависимыхъ крестьянъ на помѣщичыхъ земляхъ. Онъ только прибавляетъ болѣе точное опредѣленіе морты и половничества, усваивая мортиту характеръ долгосрочнаго и долговременнаго состоянія—на основѣ прекарнаго завладѣнія съ молчаливаго согласія владѣльца.

Возраженія г. Панченко очень основательны. Онъ замѣчаетъ, что всѣ эти выводы не могутъ быть строго выведены изъ текста, что «ни отмѣны барщинъ, ни установленія свободы перехода, ни пониженія земельной ренты Крестьянскій Законъ не содержитъ, и мы не имѣемъ права связывать его основной составъ съ законодательствомъ иконоборцевъ» 1); что теорія занятія земель съ молчаливаго согласія мало вяжется съ ст. 11, гдѣ рѣчь идетъ о договорѣ на условіяхъ дѣлежа, т. е. въ формѣ морты, половничества или иной пропорціи двухъ долей:

ἐάν τις γῆν λάβη παρὰ ἀπορήσαντος γεωργοῦ καὶ στοιχήση νεώσειν μόνον καὶ μερίσασθαι, κρατείτωσαν τὰ σύμφωνα: εἰ δὲ συνεφώνησαν καὶ σποράν, κατὰ τὰ σύμφωνα ἔστω ²).

Всѣ эти замѣчанія несомнѣнно -- въ нашихъ свѣдѣніяхъ по исторіи землевладънія. Но и здъсь опять сталкиваясь съ воззръніями самого Панченко, очень затрудняемся принять ихъ, какъ тоже плюсъ. Когда онъ утверждаеть, что въ ст. 11, 13 арендаторы — не крестьяне, впавшіе въ обдность и находившіеся соціально ниже своихъ земледателей, а наобороть изъ техъ же крестьянъ боле сильные и достаточные, не довольствовавшіеся своей землей и снимавшіе еще у другихъ хозяевъ, а захудалые были земледателями 3), его правота сомнительна. А на этомъ базисѣ онъ, какъ на толкованіи термина σκαρφίον, строитъ 2-ую половину своей «постройки». Не правъ онъ и тогда, когда говоритъ, будто Крестьянскій Законъ не даетъ основаній для такого различія въ юридическомъ характерѣ морты и половничества, какъ состоянія случайнаго - однольтняго и долгосрочнаго. «Не видно, -- говорить онъ, -- изъ Крестьянскаго Закона, чтобы γεωργός μορτιστής, въ противоположность ήμισειαστής, садился на землю собственника, чтобы онъ вступаль сънимь въ долговременныя хозяйственныя отношенія, которыя при томъ были бы основаны на мол-

¹⁾ Панченко, стр. 44.

²⁾ Панченко, стр. 48.

³⁾ Панченко, стр. 40.

чаливомъ согласіи собственника. Естественно къ тому же ожидать, что ничѣмъ не обезпеченные мортиты будутъ вынуждены отдавать бо́льшую часть жатвы, въ сравненіи съ арендаторами, для которыхъ доступенъ свободный договоръ съ его возможными гарантіями: однако мы видимъ, что мортиты отдавали всего $^{1}/_{10}$, тогда какъ половники довольствовались одной половиною» 1).

Г. Панченко дважды не правъ: мы докажемъ это сначала по отношенію ко второму его положенію. Утверждаемъ, что «законъ» не оставляетъ никакого сомнѣнія, что половники были именно случайные работники со стороны, будущіе $\pi \rho o \sigma x \alpha \Im \eta_{\mu e \nu o \iota}$, приходящіе на чужія земли, но еще не осѣвшія тамъ. То обстоятельство, что этотъ половникъ могъ небрежно бросить съмена, не вспахавъ, что онъ могъ взять нахоту безъ съва, полагаю, достаточно говоритъ за то, что это не богачи арендаторы а наемники, будущіе крѣпостные. Кромѣ того наивно думать, что «половникъ» получалъ 1/2 урожая. Теперь «мисіаръ» получаетъ 1/2—за вычетомъ 1/20 и сѣмянъ.

Достаточно здёсь и основаній для вывода, что половники не сидёли прочно на землё (иначе не возможна была бы такая небрежность обработки, какъ въ ст. 11). Этимъ положеніемъ половника и объясняется то обстоятельство, что законъ охраняетъ не его, а собственника: половники разсматриваются въ законѣ видимо какъ состояніе неопредёленнаго положенія и опасное для интересовъ земледёлія.

Что касается мортитовъ, то это земледѣльцы, пользующіеся видимо расположеніемъ закона, и сопоставляя статью 9 съ статьями о половникахъ, едва ли не будетъ позволительно склониться къ выводамъ проф. Васильевскаго, что «мортиты—земледѣльцы, прочно осѣвшіе на земляхъ» и потому малодоходные, но надежные работники.

Отсюда и доброжелательство къ нимъ Закона и сравнительная ничтожность «морты». Полагаемъ, что мортиты и есть то самое населеніе, которое поздиве будетъ зваться πάροικοι.

Г. Панченко, настаивая на томъ, что всѣ арендаторы — сравнительно зажиточные люди, арендующіе земли бѣдняковъ, ссылается не одинъ разъ на ст. 11, 13. Дѣло въ томъ, что ἀπορήσας можетъ означать вовсе не обѣднѣвшаго. Это оскудѣвшій собственными рабочими руками, потерявшій возможность личной обработки безразлично по какимъ причипамъ. Попиманіе ст. 13 удпвительно странно у Панченко, хотя славянскій переводъ ея повидимому исключаетъ недоразумѣнія.

Ст. 11. Аще кто вызымет землю от изнемогшаго земледѣльца, и оукончает поновити токмо и раздѣлити, да держатся сыгласиа своего; аще ли же согласили будут и сыѣтбу, да дрыжатся сыгласиа своего.

Ст. 13. Аще кто село възмет исполоу дѣлати, отшедшоу оспадарю земли тоя, и разгадавь повръжет соугоубо илодъ того отдастся.

¹⁾ Панченко, стр. 49.

Самъ Панченко не разъ говоритъ о крестьянахъ, которые вовсе не по нищетъ оставляли участокъ въ арендъ, живя, напримъръ, въ городъ и занимаясь какимъ-нибудь ремесломъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ можно считать богачемъ, сильнымъ и достаточнымъ человѣка, который нанимается изъ части пахать (но не сѣять) землю ἀπορήσαντος.

Общая мысль, которую нужно доказать г. Панченко, — та, что законъ всегда говорить о собственникахъ крестьянахъ:

«Земельная собственность называется въ текстъ памятника многократно и открыто юридическими и вмъстъ съ тъмъ живыми народными терминами, не допускающими никакого сомнънія; и полнота правъ собственности вытекаетъ изъ самаго содержанія отдъльныхъ статей».

«Выраженія памятниковъ въ данномъ случав настолько опредвленны, что никто изъ изследователей, притомъ отыскивавшихъ въ Законъ следы общинности, не оспаривалъ существованія личной собственности на крестьянскія участки».

«Крестьянскій законъ» называетъ собственника κύριος,—и такой κύριος есть крестьянинъ. «Точно такими же κύριοι называются крестьяне по отношенію къ ихъ животнымъ и рабамъ».

«Въ одной и той же статъ в одинаково названы и недвижимость и движимость крестьянъ. Недвижимость не только называется и подразумъвается принадлежащей отдъльному крестьянину, но опредъленно называется ихъ собственной недвижимостью: землею, пашнею, виноградникомъ, огородомъ. лядиной, рощею, домомъ».

«Въ трехъ параграфахъ древнѣйшаго состава памятника читаемъ о собственномъ полѣ въ смыслѣ пашни и о лядинѣ, пустоши или пашнѣ; въ одномъ, о собственномъ надѣлѣ, гдѣ община не можетъ вмѣшиваться; тогда какъ позднѣйшая редакція имѣетъ ἐν τῷ ἐπιλαχόντι αὐτῷ μέρει (X. 7 Heimb.).

«Двѣ статьи, позднѣе заимствованныя изъ Юстиніанова права, говорять о собственномъ виноградникѣ и «своей» землѣ въ значеніи сада. Точно также говорится о собственныхъ животныхъ».

«Отъ недвижимой собственности, принадлежащей лично одному крестьянину, отличается собственность другого лица или сосъда или чужая недвижимость — пашня, виноградникъ, роща, дома. Въ заимствованныхъ статьяхъ наблюдаемъ тоже словоупотребленіе. Точно также говорится о чужомъ хворостъ, о чужой тельгъ и о чужомъ скотъ» 1).

Все это такъ,—но напрасно г. Панченко придаетъ слову собственный (ἴδιος) и названію κόριος какой то рѣшающій характеръ (не только здѣсь, но и позже, когда онъ говоритъ о монастырскихъ актахъ). Повидимому въ защитѣ нужнаго смысла за этимъ словомъ для г. Панченко послѣдній пансь не проиграть теоріи.

¹⁾ Панченко, стр. 59-61.

Мы однако считаемъ, что всѣ страницы, построенныя на словѣ собственный,—лишнія страницы. Какъ извѣстно, личная собственность «общника» не отрицаетъ и общины.

"1διος вовсе не имѣетъ значенія собственный въ смыслѣ dominium, и κύριος совсѣмъ не равно dominus, δεσπότης. Оба термина легко уживались съ парикіей. Это мы ясно увидимъ при анализѣ «монастырскихъ актовъ».

II.

Тѣ-же положенія о господствѣ личной собственности, объ отсутствіи общины и т. д. старается доказать г. Панченко во 2-ой части, изслѣдующей монастырскіе акты.

Монастырскіе акты, по мнѣнію г. Панченко, позволяютъ защищать два тезиса:

- 1) византійское земельное хозяйство не знаетъ общиннаго владѣнія;
- и 2) въ актахъмы совсѣмъ не видимъ ни личнаго крѣпостного крестьянства на помѣщичьихъ земляхъ, ни разложенія свободнаго землевладьнія крупнымъ.

Въ актахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ свободнаго общинаго землевладѣнія, но при этомъ прикрѣпленіе носитъ только фискальный характеръ. Крестьяне были и остаются собственниками земли, прикрѣпленіе ихъ выражается въ передачѣ τ έ λ о ς .

Второй тезисъ Панченко представляетъ собой отрицательную (обратную) передачу положеній статьи, приготовленной къ печати нами; поэтому по отношенію къ этому тезису зд'єсь мы ограничимся только легкимъ пересмотромъ выводовъ г. Панченко. Полагаемъ, что акты очень противъ его тезисовъ.

Монастырскіе акты изслѣдуетъ Панченко съ гораздо меньшей внимательностью, чѣмъ Земледѣльческій Законъ, и научные результаты этой части очень не велики.

Начинаетъ онъ изученіемъ кодекса Лемвіотиссы (Miklos. et Müller IV). Здѣсь прежде всего интересуетъ его дѣло изъ-за участка Спана. Въ . 1229 году крестьяне Приновары судились съ монастыремъ Лемвіотиссы изъ-за участка, нѣкогда принадлежавшаго парику ихъ села Спану.

«Юридическое состояніе поля Спанова, χωράφιον τοῦ Σπανοῦ, было не ясно; и даже не было установлено, отъ какого владѣльца оно получило свое имя. Предметомъ спора являлось, принадлежало ли оно прежде крестьянину того села Вари, на территоріи котораго оно находилось, или же принадлежало нѣкогда крестьянину Спану, числившемуся среди париковъ-хозяевъ села Приновари. Въ 1229 г., незадолго до перениси Фоки, посланнымъ отъ Смирнскаго митрополита, по просьбѣ игумена Лемвіотиссы, сакелларіемъ Варипатомъ, были отобраны показанія обѣихъ тяжущихся сторонъ. Онъ вызвалъ со стороны Приноваритовъ всѣхъ домохозяевъ, двухъ священниковъ».

«Приновариты съ своей стороны показывали единогласно, что поле издавна принадлежало парику ихъ села Спану. Монастырскіе люди возражали на это, что и въ Вари былъ парикъ того же имени. Дѣло окончилось однако соглашеніемъ, и Приновариты сами предложили игумену собственноручно вырыть три межевые камня, означавшіе предѣлы Спанова поля, что игуменъ и исполнилъ».

«Спорное поле было ограничено такимъ образомъ—пишетъ Панченко—постоянными межевыми знаками, выдълявшими его изъ территоріп села Вари. Къ какому селу ни былъ приписанъ его первоначальный собственникъ, давшій полю свое имя, онъ владълъ имъ на правахъ отдъльной и независимой, неограниченной временемъ собственности. Устраненіе межевыхъ столбовъ означало включеніе Спанова поля въ общую массу монастырской недвижимости въ селъ Вари, къ которой оно до того не принадлежало, хотя находилось «среди полей» и «внутри округа» села» 1).

Слъдовательно не было общинности владпнія и дал'є «собственникомъ этого отд'єльнаго поля былъ парикъ. Жители обоихъ селъ, Вари и Приновари, были париками, а документъ опред'єленно называетъ Спана парикомъ. Однако онъ былъ полнымъ собственникомъ и его земля была обозначена межевыми камнями. Парики Приновариты являются стороною, тяжущеюся съ монастыремъ, ихъ проніаръ совс'ємъ не упоминается въ документ'є; со стороны же монастырскаго села крестьяне выступаютъ лишь свид'єтелями. Но изъ ихъ показанія видно, что они, парики монастырскаго села, не только обработывали спорное поле, когда оно было отобрано у Приноваритовъ при Мануил'є Комнин'є, но считали себя его влад'єльцами. Спорное поле было приписано къ монастырскому селу, не къ монастырю непосредственно» 2).

Изъ дѣла о Спановомъ полѣ видно, что первоначальнымъ собственникомъ этого отдѣльнаго участка былъ парикъ Вари или Приновари. Тяжущимися сторонами являются общества париковъ этихъ двухъ селъ, монастырскаго и властельскаго; и хотя истцомъ отъ лица Вари выступаетъ монастырь, и его игумену было поручено уничтожить межевые знаки, выигранное поле было приписано къ территоріи Вари, не къ монастырю непосредственно. Слѣдовательно, — нѣтъ на лице поглощенія свободнаго владѣнія монастыремъ. Отсюда Панченко считаетъ возможнымъ видѣть въ дѣлѣ Спана опору для такого послѣдняго вывода.

«Если разематривать аграрную исторію Византіи съ обычной точки зрѣнія борьбы двухъ началъ: свободнаго крестьянскаго землевладѣнія на основѣ общинности противъ крупной собственности на почвѣ крѣпостного труда безземельныхъ париковъ, и если продолжать извѣстный споръ, рѣшая проблему, вытѣснило-ли состояніе парикіи свободную, примомъ общинную крестьянскую собственность, то матеріалъ, доставляемый кодексомъ Лемвіотиссы, не подходить подъ такую схему и даже

¹⁾ Панченко, стр. 95-96.

²⁾ Панченко, стр. 96.

разрушаетъ самую постановку вопроса. Не оправдываются главныя предположенія: мы не видимъ въ документахъ ни общины съ общиннымъ землевладѣніемъ, какъ свободной, такъ и зависимой, и не наблюдаемъ безземельной массы на вотчинахъ или проніяхъ крупныхъ собственниковъ. Два столѣтія послѣ македонскихъ императоровъ крестьяне какъ свободные (казенные), такъ и зависимые (монастырскіе, проніарскіе) являются собственниками. Состояніе присельниковъ, не получившихъ собственныхъ участковъ, было временное» 1).

Мы думаемъ, что выводы должны быть или, по крайней мъръ, могуть быть и противоположными. Только при большой тенденціозности можно просмотръть въ этомъ «дълъ Спана» ясные слъды начала общинности, общаго хозяйства, и мъста и слъды подчиненія париковъ властелю именно чрезъ посредство общины.

Операціи г. Панченко надъ фактами въ данномъ случа вызываютъ недоумьніе. Въ каждомъ факть выдыляется выгодная для построенія ученаго половина, а остальная половина просто вычеркивается. Указывается на самостоятельную межу — участка Спана, но развѣ общинное владеніе исключало межу?. Уничтоженіе межевыхъ знаковъ для Панченко-доказательство перехода, изм'вненія самой природы влад'внія. Участокъ бывшій частнымъ — становится собственностью села. Но выемка камней была просто формой присяги, знаменовала только перемъну собственника, не болъе. А если обратимъ вниманіе на вторую половину факта: что значить то обстоятельство, что Приновариты или жители Вари считають достаточнымь доказательствомь принадлежности участка Спана принадлежность къ парикамъ ихъ села? Монастырскіе люди доказываютъ, что участокъ Спана лежитъ «внутри округа села», внутри γωραφίου Вари. Далъе искъ ведутъ «люди» монастыря, «село, а не монастырь». Панченко отмѣчаетъ послѣднее обстоятельство какъ доказательство того, что «властель» не поглащаль села. До изв'естной степени основательно; мы посл'в увидимъ, что только до изв'встной степени, — но изъ этого факта следуетъ и еще выводъ. Если именіе, въ данномъ случае именіе выморочное, переходить не къ «господамъ», а къ селу, то, очевидно, село имъло какія-то права dominium'a, какія не могутъ держаться, напримъръ, на ἐπιβολή, въ смыслѣ Панченко, а это право dominium'а и есть право общины. Во-вторыхъ, отсюда следуетъ, что властели въ попыткахъ подчиненія крібпостному ярму должны были дійствовать чрезъ «село», а куда приводили эти старанія вопрось уже иной: въ данномъ документъ онъ пока не рѣшается ни въ какомъ направленіи.

Здёсь полезно еще напомнить, что весьма не рѣдки указанія источниковъ на то, что «выморочные участки» «переходять къ монастырю». И это въ тѣхъ случаяхъ, когда монастырь посредствуется селомъ:

«Έτι ἐπαγγελεύεται ή βασιλεία μου, ὡς ἀν ὅσοι ἐκ τῶν ἀπηριθμημένων παρ-

¹⁾ Панченко, стр. 139-140.

οίκων τῆς μονῆς τῶν εἰς βασιλικὰ ἀκρόστιχα προσκαθημένων ἢ κἄν τοῖς ἰδίοις γονικοῖς γονικαρχικῶς εὐρισκομένων τύχωσιν ἀποβῆναι ἀκληρονόμητοι. ἐντεῦθεν τὰ διαφέροντα αὐτοῖς γονικὰ πρὸς τὴν μονὴν ἐπανελεύσονται ἄνευ τῆς οία που προφάσεως». (Акт. Собр. Порф. Успен. на Авонѣ, рукопис. Т.І. 729). Новое доказательство, что «dominium» села условный, и что dominium парика—дважды обусловленный: его земля принадлежить селу, а чрезъ село монастырю. На лицо—община и уничтоженіе свободной общины.

Панченко самъ часто указываетъ на село, какъ представителя правъ крестьянъ, состоящихъ во владѣніи, но не мѣшало бы ему остановиться на мысли, что это собственно представитель лишній, если дѣйствительно владѣльцемъ земли былъ крестьянинъ. Для цѣлей фискальнаго объединенія собственникъ монастырь. Если-же «владѣетъ» село, то это доказательство того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ фискальной единицей, а съ «обществомъ собственникомъ». А самое главное, документы даютъ намъ фактъ, который трудно перетолковать: Приновариты «выѣхали на поле всѣми упряжками и засѣяли его въ одинъ день». Получилась общественная запашка.

Если-бы не было общества, то не естественно-ли вмѣшаться въ дѣло просто сосѣду съ правомъ «προτίμησις», а не селу? И далѣе много ниже анализа случая съ участкомъ Спана у самого Панченко находимъ очень важное для насъ указаніе.

Во владѣніи нѣкоего Гунаропула оказалось три «μερίδες», т. е. три души. Для чего это дѣленіе личнаго участка одного собственника и эта терминологія, если μερίς—не имѣетъ точнаго смысла именно «души» какъ общиннаго надѣла. И эти души не позволяется продать.

Гдѣ-же, спрашивается, тутъ право собственности? Но главное еще далѣе: этотъ документъ предписываетъ рядомъ же, тутъ же и передпалъ душъ. Три души съ одной стороны, новая роспись по душамъ съ другой, — все это очень опредѣленно и ясно.

Панченко и самъ понимаетъ огромное значеніе показаній «акта» о передѣлѣ:

«Правительство—пишеть онъ — не желаеть считаться съ родовою и наслѣдственною собственностью париковъ, которая такъ ясно заявлена въ актахъ о наслѣдствѣ Гунаропуловъ; но предполагаетъ передѣлъ въ интересахъ податного обложенія. Этотъ текстъ рѣзко выдѣляется изъ массы документовъ, свидѣтельствующихъ о дѣйствительномъ господствѣ наслѣдственной крестьянской собственности, съ ея неизбѣжной неравномѣрностью участковъ, полученныхъ путемъ раздѣла между наслѣдниками. Нашъ документъ долженъ быть поставленъ рядомъ съ извѣстной сентенціей магистра Космы о передѣлахъ крестьянскихъ земель» 1).

Г. Панченко не скрываетъ даже, что документъ не одинокъ.

«Въ кодексъ Лемвіотиссы—продолжаетъ онъ — сохранилось неизвъст-

¹⁾ Панченко, стр. 104.

наго года повельніе парскому домашнему человьку Іоанну Сиропулу, говорящее о произведенной посльднимъ переписи монастырскихъ владьній. При разборь монастырскихъ доходовъ, т. е. при перечисленій дворовъ, платящихъ монастырю подать $(\tau \not= \lambda \circ \varsigma)$, обнаружилось превышеніе ихъ числа сравнительно съ прежними данными писцовыхъ книгъ: изъ этого избытка приказано отчислить пятнадцать иперпировъ годового дохода въ пользу монастыря, а остальное должно было вноситься монастыремъ въ царскую казну. Въ этомъ предписаній, весьма лаконичномъ, содержится указаніе на произведенный цензъ $(\dot{\alpha}\pi\circ\gamma\rho\alpha\phi\eta)$, на оцьнку доходовъ съ монастырскихъ недвижимостей. Весьма въроятно, что цензъ сопровождался новой раскладкой подати между париками, которой предшествовало бы, судя по инструкціи 1234 г., и новое распредъленіе надъловъ, по крайности между пришлыми париками».

«Къ тому-же времени относятся извъстія исторіи Пахимера о весьма сходныхъ мъропріятіяхъ правительства Михаила Палеолога, имъвшихъ мъсто на земляхъ военныхъ поселенцевч на Вифинскомъ рубежъ имперіи. Они приписаны иниціативъ епарха Хадина, быть можетъ тожественнаго съ протоіеракаріемъ Константиномъ Хадиномъ, къ которому адресованъ одинъ изъ указовъ, вошедшихъ въ кодексъ Лемвіотиссы. Епархъ Хадинъ переписалъ недвижимое и движимое имущество акритовъ и на основаніи ихъ достатка занесъ ихъ въ служебные списки. При этомъ онъ надълилъ каждаго имуществомъ на сорокъ номисмъ ежегоднаго дохода, отобравъ въ казну оказавшіеся излишки 1).

Къ сожалѣнію, отъ такихъ драгоцѣннѣйшихъ показаній Панченко хочетъ отдѣлаться почти игнорированіемъ ихъ. Для Панченко эти мѣста не говорятъ за общину, потому что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ передѣломъ для фискальныхъ цѣлей. Слѣдовательно, здѣсь все дѣлаетъ государство вопреки обычнымъ нормамъ владѣній.

Если бы даже ничего нельзя было возразить противъ такого мивнія, все же выходъ получимъ довольно ясный: передвлы, вытекая не изъ общиннаго строя, создавали этотъ строй. Для каждаго понятно, что сама по себв система ревизій и передвловъ, при которыхъ игнорируются права собственниковъ, ведетъ за собой измвненія и въ пониманіи самаго принципа земельной собственности въ сторону «общиннаго».

Если всмотрѣться ближе, то окажется, что и чисто фискальныя цѣли передѣла сомнительны; остановимся сначала на рецензіи магистра Козьмы (Zachariae III 242), на которой не разъ останавливались въ литературѣ, но разсматривали не со всѣхъ сторонъ. Этой рецензіей предписывается крестьянамъ одной ὑποταγῆς одного ἐπιτελεσμοῦ, при условіи, если ихъ μερίδες ἀναχεχοίνωνται и если уже со времени раздѣла не прошло 30-ти лѣтъ, внести свои части обратно въ общину для новаго раздѣла.

Здѣсь владѣльцы связуются между собой тремя формами связи: μία

¹⁾ Панченко, стр. 104-105.

ύποταγή καὶ εἰς τελεσμός καὶ αὶ μερίδες ἀνακεκοίνωνται. Что такое ἀνακοίνωσις? Если бы это была фискальная общинность, то фискальное единство владъльцевъ указано въ предыдущемъ.

Если крестьяне одной волости, п если они одного фискальнаго округа, п если, кромѣ того, участки ихъ «сообщаются» ясно, то ἀνακοίνωσις самостоятельный членъ трилеммы, нѣчто отличное отъ «общаго обложенія». Что же это? Вопросъ не трудный: община. Владѣніе на принципѣ ἀνακοινώσεως противополагается владѣнію на какомъ-то иномъ принципѣ. Что здѣсь можетъ разумѣться кромѣ противоположности «общиннаго» и частнаго владѣнія?

Я напомню фактъ изъ «монастырскихъ актовъ», собранныхъ епискономъ Порфиріемъ. Были спрошены крестьяне монастыря Полигира: Откуда? Они отвѣчаютъ: «Пришли изъ деревень за горой». Въ мѣстѣ, въ
которомъ живемъ (ἐνῷ καθεζόμεθα).... οὕτε γονικὴν ἔχομεν ἀνακοίνωσιν ἐκ
τῶν χωρίων ἡμῶν, οὕτε τέλη καταβαλλόμεθα, ἀλλὰ συμφωνήσαντες μετὰ τῶν
μοναχῶν ἐργάζεσθαι τοὺς τόπους τῆς μονῆς. И нашли, что они не имѣютъ
ни права собственности, ни наслѣдства, ни общины.

Снова принципъ фискальной общности отличается отъ другого принципа, очевидно, «общиннаго».

И даже возьмемъ этотъ случай съ Гонаропуломъ: передѣлъ производится по просъбѣ монастыря, подати по передѣлѣ отходятъ къ монастырю же. Едва ли государство рѣшилось бы нарушать установленныя обычаемъ права личныхъ собственниковъ въ чужихъ интересахъ, при томъ въ условіяхъ, гдѣ «право» защищаетъ очень сильная партія.

Въ частности для охраны фискальныхъ интересовъ достаточны и даже удобнъе институты $\hat{\epsilon}\pi \iota \beta \circ \lambda \acute{\eta}$ и эпителія, т. е. перенесенія $\tau \acute{\epsilon}\lambda \circ \varsigma$ на оставшуюся землю Гонаропула, который въ свою очередь получитъ $\tau \acute{\epsilon}\lambda \circ \varsigma$ отъ покупщиковъ.

Впрочемъ нътъ нужды прибъгать къ предположеніямъ, когда есть очевидныя доказательства большихъ правъ того, что мы называемъ общиной.

Хозяйка, передавая монастырю «парикія», проситъ своихъ не трогать парика.

Ясно, что выд'яленіе участка было нарушеніемъ правъ общины, и «господа» признавали эти права. Права монастыря на парика поддерживались только религіознымъ уваженіемъ святын'я монастыря.

Интересно также приведенное въ рук. еп. Порфирія дѣло о мельницахъ, которыя хочетъ оттягать хозяинъ на томъ основаній, что земля парика не можетъ выйти изъ «общиннаго имѣнія» всей деревни, что крестьянинъ не могъ жертвовать то, что ему очевидно принадлежитъ только относительно.

«При основаніи Новой Петры на территоріи (ἐν τῷ θέματι) Дріанувены Маліасинъ избраль для нея мѣсто въ имѣніи, называемомъ имѣніемъ Архонтицы (ἐν τῷ τοπίῳ τῷ ἐπιλεγομένῳ τοῦ ᾿Αργοντίζη), ради его

уединенности, и нашелъ М. Архонтицу съ семьей владъющими (уедордеусис) уже много лътъ дворомъ или усадьбой названнаго имънія (туу той δηλωθέντος τοπίου στασιν), которая также называлась усадьбой или дворомъ Архонтицы; отъ нея ея собственники не имѣли никакого дохода. Эту землю Михаила Архонтицы супруги Маліасины могли бы взять себ'ь, будучи господами и собственниками семьи Архонтицы, такъ какъ государемъ царемъ была имъ пожалована вся область Дріанувены, какъ ихъ родовое наслъдіе или вотчина, но будучи справедливыми и христолюбивыми, супруги Маліасины пожелали выкупить отъ Архонтицы землю, какъ будто чужіе и пришлые. По первому желанію Маліасиновъ семья Архонтицъ собрала всъхъ лучшихъ жителей (ётогког) Дріанувены, священнослужителей, монашествующихъ и свътскихъ, и по разсмотръніи ръшили продать весь участокъ (στάσις) Архонтицы за 12 инерпировъ въ полную и неотъемлемую собственность; участокъ былъ свободенъ отъ всякой подати (ἀτελή πάντη, χωρίς τινος τέλους καὶ δόσεως) и заключаль въ себъ землю горную, долинную и пастбищную, владение водою для мельницы, пахотную землю, деревья фруктовыя и небольшой виноградникъ: всё эти угодья или доходныя статьи принадлежали двору (στάσις) Архонтицы искони. Состоявшаяся продажа передавала всё права собственности, и Архонтица объявлялъ свою семью и близкихъ навсегда чуждыми правамъ на проданный имъ родной дворъ» 1).

О чемъ говоритъ это «общее согласіе» на продажу, какъ не объ общественномъ характерѣ собственности. Община здѣсь позволяетъ продать землю общинника: это несомнѣнный общественный приговоръ объ отчужденіи «души».

Въ связи съ этимъ случаемъ мы можемъ оцѣнить и актъ Дріанувены о переложеніи подати съ участка Маліасиновъ на все село:

«Мы, всѣ крестьяне села Дріанувены общимъ совѣтомъ и рѣшеніемъ, подписавшись въ началѣ, составили настоящій актъ, со всѣми нашими наслѣдниками» 2).

Актъ, по мнѣнію Панченко, составленъ всѣми жителями сообща, но не общиной:

«Не сказано «ἡμεῖς, τὸ χωρίον τῆς Δρυανυβαίνης», община Дріанувены, но, «мы, всѣ крестьяне съ наслѣдниками каждаго изъ насъ», и слова κοινῆ βουλῆ, γνώμη τε καὶ ἀρεσκεία указывають на актъ совмѣстный, а не общинный. Каждый изъ домохозяевъ подписался на актѣ; слѣдовъ же какой нибудь организаціи самоуправленія или выборныхъ лицъ, дѣйствующихъ отъ имени общины, не усматривается» 3).

Мы припомнимъ, что въ предыдущемъ случав участвуютъ эпики уже никакъ не за себя, а какъ представители общины, именно какъ выбор-

¹⁾ Панченко, стр. 180. М. М. IV, № 11 мон. Новой Петры.

²⁾ M. M., t. VI, № 26 мон. Н. Петры.

³⁾ Панченко, стр. 181.

ные — и будетъ понятно, что и последнее решение едва ли не будетъ верне карактеризовать какъ «общинное».

Если ко всему этому мы будемъ имѣть ввиду очень яркія и опредѣленныя мѣста изъ новеллъ и т. п., то прочность построекъ Панченко станетъ еще сомнительнѣе. Какъ Панченко истолкуетъ такія указанія:

«Запрещается особамъ покупать надѣлъ ἀπὸ τῶν χωρίων ὁμάδος («общины» селъ) ἢ τοῦ καθεκάστου у отдѣльныхъ членовъ ея» (Zachariae III, 253).

Или еще яснъе: Участники называются въ новеллъ Романа Младтаго принадлежащими — εἰς κοινότητα χωρίου, причемъ ясно предполагается возможность участковъ иного состоянія. Проданные крестьянами участки ἐὰν εἰς κοινότητα χωρίου ὧσι. . . и пр. и пр.

* * *

Молодой ученый ссылается на то, что крестьяне имѣють право продавать, дарить свои участки и пр.; но не говоря уже о случаѣ съ участкомъ Спана, съ мельницей и т. д., которые повидимому говорять протисное, достаточно имѣть въ виду слѣдующее соображеніе:

Во-первыхъ, г. Панченко забылъ то, что говорятъ о мортѣ патмосскіе акты: «Сосѣдніе жители показали, что эта земля обработывалась жителями сель Малахіи, Стоматъ и другихъ за десятину (морту), которую они вносили казеннымъ управляющимъ или проніарамъ села Малахіи. Платежъ морты доказываетъ, что земля была не ихъ собственная родовая, но чужая, хотя бы она была записана въ ихъ стихахъ (β 1010) от γ 1015), была ими передаваема по насладству или отдаваема въ приданое, и хотя бы они вносили за нее подати (τ 610). Земля вполнъ принадлежитъ получающему морту по праву собственности» 1).

Здёсь называется їбіо є, продается, покупается, даже оплачивается податью въ казну—вовсе не собственная въ смыслъ dominium'а земля.

Совершенно тоже имбемъ въ дбив Скулата:

Земля Скулата явно (это признаетъ и г. Панченко) принадлежитъ митрополіи. Д'єти Скулата перепродаютъ землю монастырю Лемвіотиссы, какъ насл'єдственную собственность. Актъ явно не законный, не только потому, что земля вышла на сторону, а не осталась въ рукахъ митрополичьихъ крестьянъ.

Затѣмъ, вспомнимъ о покупкахъ Мепильнами имѣнія Архонтицы, гдѣ указывается, что Маліасины собственно имѣютъ право dominium'а по отношенію къ имѣнію, но все таки считаютъ возможнымъ не только продажу участковъ ихъ имѣнія между париками, но сами покупаютъ такъ сказать «свое».

Въ актахъ мон. Пантократа, изданныхъ г. Petit, Іоаннъ примикирій устанавливаетъ за крестьянами монастыря право продажи ихъ виноградниковъ и право ухода съ земли, какъ привиллегію собственно уничтожающую ихъ παροικία καὶ δουλεία (Actes du Pant., 14,141).

¹⁾ M. M., t. VI, Nº 96.

Наконецъ, отчего отрицать возможность пріобрѣтенія крестьянами личной собственности внѣ надѣла? Что она была, нѣтъ нужды даже отнскивать доказательства.

Предшествующія замѣчанія наши сдѣлали въ извѣстной мѣрѣ яснымъ, что если несомнѣненъ фактъ поглощенія свободнаго землевладѣнія крупнымъ, то оно производилось черезъ общину.

О самомъ поглощении крестьянства-властеля мы не хотимъ говорить здѣсь, такъ какъ это будетъ предметомъ особой маленькой работы, да и не требуется задачами рецензіи.

Теперь для насъ необходимо обратить вниманіе только на слѣдующій тезисъ Панченко, которому онъ придаетъ большую важность: какого характера крѣпостное подчиненіе крестьянъ по монастырскимъ актамъ. Его положеніе такого:

«Пожалованіе крѣпостныхъ крестьянъ ничуть не колебало собственности париковъ, наслѣдственной или пріобрѣтенной. Сущность пожалованія сводилась къ уступкѣ казною тягла париковъ, τ έλος, съ второстепенными повинностями. Ограниченіями собственности париковъ являлось требованіе, чтобы отчужденіе на сторону не выводило землю изъ ея тяглаго состоянія и чтобы выморочныя стаси поступали (по праву предпочтенія) къ монастырю или проніару» 1).

Панченко ссылается на фактъ, что парики могли жить на сторонѣ, напримѣръ, въ городѣ и оставались париками. Ясно, что τέλος было сущностью ихъ парикіи.

Не полемизируя, укажемъ факты. Акты не даютъ никакого мѣста сомнѣнію о двухъ формахъ отношеній. Парики, присельники, крѣпостные совсѣмъ не несутъ тягла въ смыслѣ τέλος.

Χαρακτέρηο здѣсь отчасти приведенное нами показаніе суду крестьянъ монастыря Полигира (Дѣло Стримонскаго и Солунскаго судьи Николая Протоспавара 997 года инд. 10 (sic), № 6 Ивера). Были спрошены крестьяне: откуда вы? И отвѣчали: изъ деревень за горами (ἐν τῶν ὅπισθεν τῶν ὁρέων χωρίων), изъ Ревстиникіи, Ватоніи и т. д. Деревня разорена болгарами и мы убѣжали на землю монастыря Полигира, т. е. Хавуніи йγουν τῶν Χαβουνίων διὰ τὴν ὁχυρότητα τοῦ τόπου. Платимъ положенныя на насъ издавна повинности (ἐπηρείας) и дани (τέλη), сколько каждый имѣетъ отъ родителей напихъ деревень (ἀπὸ τῶν γονικῶν χωρίων). Въ мѣстѣ, въ которомъ живемъ (ἐν ῷ καθεζόμεθα) οὕτε γονικῶν ἔχομεν οἰανοήποτε εἰς ἀνακοίνωσιν ἐκ τῶν χωρίων ἡμῶν οὕτε τέλη καταβαλλόμεθα, ἀλλὰ συμφωνήσαντες μετὰ τῶν μοναχῶν ἐργάζεσθαι τοὺς τόπους τῆς μονῆς καὶ παράσχειν πρὸς τὴν μονὴν τὰ γεωμόρα, τὰ νόμιστρα κατὰ τὸν ἐξ ἀρχῆς παρακολουθήσαντα τόπον.

Нашли, что они не им'єють ни власти, ни насл'єдства, ни общины. Какъ характеризовать положеніе этихъ крестьянь?

¹⁾ Панченко, стр. 144.

Это μίσθιοι — наемники—13 ст. Крестьянскаго Закона, и эти μίσθιοι въ одномъ документѣ противополагаются ὑποτελέται и нарикамъ Τοὺς δέ γε παροίκους καὶ ὑποτελέτας τοὺς ἐν τοῖς τοιούτοις προσκαθημένους κτήμασι δέον ὀνομαστοὶ δηλῶσαι etc... и тутъ же: принадлежитъ монастырю χωράφιον τοῦ ἀναβάσπου . . . въ немъ . . . προσκαθήμενοι μονικοὶ μίσθιοι τῶν ὄντων δημοσιακοῦ καταστίχων. (ἀθηναῖον σύγγραμμα περιοδικόν 1875 т. IV, 227 и 236).

Эти парики-рабочіе, — въ началѣ ἀνεπίγνωστοι δημοσίου или «извѣстные» какъ въ данномъ случаѣ поотпавшіе отъ своего села, — могутъ перейти и въ состояніе тягловой парикіи. Мы будемъ имѣть случай указать весь ходъ порабощенія.

Другая группа, наоборотъ, начинаетъ съ того, чѣмъ эта кончаетъ, съ τέλος'а и потомъ переходитъ къ полной «парикіи».

Въ документахъ есть даже терминъ ὑποτελέτης, состоящій подъ τέλος, отличный отъ термина πάροιχος и противополагающійся ему. «Андроникомъ Младішимъ было пожаловано 23 семьи казенныхъ париковъ, платившихъ въ казну тягло (τέλος) ежегодно 24 иперира, жившихъ въ пяти поименованныхъ селахъ острова. Сначала эти парики были указаны только для личныхъ повинностей и работъ при обработкѣ земли; но затѣмъ монахи жаловались императору, что они не имѣютъ означенныхъ париковъ на правахъ совершенной парикіи, и не добьются отъ париковъ исполненія ихъ повинностей (личныхъ), и исхлопотали указъ, по которому парики были переданы имъ во владѣніе (κατοχή) и обязаны платить вышеупомянутую подать въ 34 ипериира, также отбывать прочія повинности париковъ» 1).

Одно уже это мѣсто достаточно говорить о характерѣ парикіи не чисто тягловомъ, но для насъ оно имѣетъ особое значеніе какъ теченіе параллельное образованію крѣпостныхъ изъ «присельниковъ», бездомныхъ и безземельныхъ чужихъ. Два теченія сходятся къ одному крѣпостному состоянію. Дѣло Вари представляетъ даже заразъ илюстрацію обоихъ теченій.

«Эпики селенія Вари, ссылаясь на хрисовулы, различные указы и владѣнныя грамоты, не повинуются монахамъ Лемвіотиссы и не соглашаются платить имъ должное вмѣсто подати. Мало того, они подстрекаютъ еще къ тому же и чужаковъ (τοὺς ἀπὸ ξένης ἐλθόντας), сѣвшихъ на земляхъ монастырскихъ, и отговариваютъ ихъ отбывать обычную барщину и исполнять другія обязанности, свойственныя состоянію париковъ». Въ этомъ же документѣ отдается приказъ, чтобы эпики давали монастырю должную подать, отбывали обычную барщину и исполняли прочія повинности 2).

Следовательно мы имеемь здесь дело съ двумя состояніями: съ

¹⁾ М. М., t. VI. № 110. Панченко, стр. 156.

²⁾ Ж. М. Н. П., ч. 225 (1883), стр. 343. М. М., t. IV, № 161. Актъ Лемв.

одной стороны иужаки, идущіе къ барщинѣ, съ другой — бывшіе свободные «эпики», которые съ другого конца идутъ $my\partial a$ же.

Какъ велики были права господина?

Исходя изъ мысли, что подчиненіе крестьянъ «властелю» или вообще господину выражалось въ выплатѣ «τέλος», г. Панченко естественно отожествляетъ крѣпостное состояніе крестьянъ въ проніи и во владѣніи монастыря съ положеніемъ государственныхъ. Мы полагаемъ, что оно такимъ быть не могло. Отношенія «властеля» къ крестьянамъ должно было опредѣляться его отношеніемъ къ «προσκαθήμενοι», а эти отношенія были очень сложны. Наши наблюденія надъ фактами мы пока можемъ выразитъ вь такихъ положеніяхъ:

Слово «πάροικος» имѣетъ широкій и болѣе узкій смыслъ. Въ широкомъ смыслѣ—парикъ вообще зависимый землевладѣлецъ. Въ узкомъ же—это особенный классъ крестьянъ, болѣе зависимый, чѣмъ ὑποτελέτης.

Для обозначенія ступеней и формъ крѣпостничества существуютъ термины δουλευτοπάροικος, δουλευτής, πάροικος.

«Δουλευτής—говорить Безобразовь—то-же, что μίσθιος,—это наемникь. Едва ли върно. Но въ одной грамоть «δουλευταί» передаются монастырю вмъсть съ землей—париками; передаются также права на дулевтовъ. Δίκαια επί τε τοῖς ὑποστατικοῖς καὶ τοῖς προσκαθημένοις παροίκοις καὶ δουλευταῖς. Можно-ли передавать права на наемниковъ? Если δουλευταί—рабочіе, то не по временному найму, а по постоянному договору — вѣчные «половники». Не есть ли это уже въ извѣстной мѣрѣ закрѣпленные арендаторы? Въ одномъ документѣ монастырь сдаетъ землю, виноградники и другія права изъ-за четверти. Съемщикъ, если его можно такъ назвать, платитъ четверть продуктовъ, получаетъ землю αἰωνίως καὶ εἰς τὰ ἄπαντα χρόνων, получаетъ ее въ свою власть съ правомъ продавать, мѣнять, отдавать въ приданое — но съ передачей обязательствъ. («Δελτίον», т. II, 471).

Такой πάροικος не ύποτελέτης, конечно. Какъ же его назвать, не δου-λευτής-ли?

Еще чаще можно и нужно видѣть въ δουλευτής — холопа, который служитъ монастырю не на землѣ, или если на землѣ, то не на выдѣленномъ ему участкѣ. Одна грамота Андроника Старшаго въ одномъ мѣстѣ терминъ δουλευτής замѣняетъ другимъ — αὐλἴται, а вѣдь это тоже, что дворовые, дворовая челядь (Πανδώρα 15. 550). Δουλευταί иногда называются δουλευτοπάροικοι и то, что говорятъ документы ο δουλευτοπάροικοι, подтверждаетъ выше данное опредѣленіе δουλευτής.

Дулевтопарикъ работаетъ большею частью не въ полѣ, а на усадьбѣ, въ саду, не для себя, а для монастыря, повидимому ожидая перемѣны въ положеніи щедротами того же монастыря.

... Αι ἀποθήκαι αι πλησίον οὖσαι τῆς θαλάσσης καὶ οι δουλευτοπάροικοι οι ἐν τῷ ἐμπορίῳ προσκαθήμενοι Νικόλαος καὶ Γεώργιος. «Садъ, называемый Пλατάνιον, на немъ дулевтопарика четыре» (Πανδώρα, т. 17, стр. 408).

Конечно, крестьяне, которые живутъ не на землъ, а въ приморскомъ

арсеналѣ монастыря, не что иное, какъ холопы безъ земли. О нихъ у Miklosich и Müller IV, 246, гдѣ выдѣляются въ особый разрядъ парики, которыхъ монастырь имѣетъ «Еἰς συγχρώτησιν τῶν τῆς μονῆς δουλειῶν».

Но состояніе двороваго холопа — только временно. Дулевту, дулевтопарику наймиту дается участокъ земли для самостоятельной обработки.
Онъ становится πάροιχοις. Нечего и говорить, что такой парикъ не будетъ
ύποτελέτης въ смыслѣ только плательщика τέλος, вмѣсто казны властелю.
Условія ему предпишетъ помѣщикъ, онъ закрѣпитъ и поработитъ въ той
мѣрѣ, въ какой будетъ въ силахъ. И нормы отношеній этихъ «крѣпостныхъ» будутъ въ той и другой мѣрѣ нормами для крестьянъ лучшаго
первоначальнаго состоянія.

Въ исторіи Кипра Mas-Latrie находимъ такое указаніе на одну итальянскую хронику.

Относительно виллановъ дѣло шло такъ: сначала они только платили подати, потомъ они постепенно обременяемы были различными барщинами и доведены до того состоянія, въ которомъ находятся нынѣ парики. Вошло въ обычай отдавать ихъ свѣтскимъ и духовнымъ владѣльцамъ, наконецъ на нихъ наложена была барщина — два дня въ недѣлю, что послѣ называется ангарія, и они стали называться париками, т. е. зависимыми крестьянами 1). Отсюда возможны и такіе факты.

«Къ 1244 году (№ 166) относится весьма важное царское повелѣніе о нарикахъ, ушедшихъ съ монастырскихъ имѣній. Изъ переданныхъ монастырю париковъ въ селеніи Милы, въ Палатіяхъ, Потамѣ и въ другихъ мѣстахъ, многіе выселились и ушли отчасти въ городъ Нимфей, отчасти въ село Мурмунты, принадлежавшее знатной госпожѣ протовестіариссѣ Иринѣ, отчасти въ Кукулъ и Петру. Вслѣдствіе того монастырь лишался принадлежавшаго ему права и доходовъ; и вотъ игуменъ обратился къ царю съ просьбой, чтобы повелѣно было собрать париковъ со всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они сѣли, и водворить ихъ на прежнія мѣста. Царь, согласно съ прошеніемъ, издалъ указъ, отрицающій право свободнаго крестьянскаго перехода... Всѣ парики вышеозначеннаго рода должны быть отчислены государственными чиновниками, завѣдующими податными сборамй, отъ новыхъ ихъ помѣщиковъ опять къ монастырю» 2).

Это постановленіе указываеть, какъ далеко доходили права хозяина, и оно далеко не единично, какъ ошибочно думаетъ проф. Успенскій. Такого рода распоряженія постоянны въ сербскихъ актахъ.

Но если даже не брать въ такихъ размѣрахъ права господина на личность, то все-таки не будетъ сомнѣнія, что на собственность они имѣли права (что и старается оспорить г. Панченко). Тотъ фактъ, что крѣпостные тягались съ людьми «своихъ господъ», ничего не говоритъ противъ, ничего не говорило бы даже, если бы они судились съ «господами». Община еще не погашена, она только погасаетъ. Въ всякомъ случаѣ нельзя

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., ч. 225 (1883), стр. 337.

²⁾ Ж. М. Н. Пр., ч. 210 (1880), стр. 123. М. М., t. IV № 144 Акт. Лемв.

игнорировать такого рода фактъ: «Два жителя села Силлама, расположеннаго на Критъ въ турмъ съвернаго округа Мессареи, продали два участка ($\tau \approx \mu \dot{x} \chi_1 x$) виноградника нотаріусу Оресту, съ разръщенія, впрочемъ, всечестнъйшаго Хрисоверга, котораго они называютъ своимъ господиномъ ($\alpha \dot{\phi} \partial \epsilon v \tau \eta \epsilon$), а его ръщеніе — честнымъ сужденіемъ, замъняющимъ приказъ» 1). Это — также мысль, которую мы видъли еще ярче въ завъщаніи Іоанна примикирія.

Для продажи земли *требуется согласіе «проніара*», даже если эпителія переводится на пивніе.

Ничего не говорить за г. Панченко его ссылка на оброчниковъ, жившихъ на сторонѣ. «Ясно, — говорить онъ, — что ихъ обязанности ограничивались уплатой τέλος». Не такъ-то ясно, если сопоставить эти факты съ документомъ о возвратѣ париковъ. Очевидно, что если бы, кромѣ τέλος у крестьянъ, не было обязательствъ, при «бѣгствѣ мужика» всегда могла идти рѣчь только о взиманіи «оброка» съ этихъ оброчниковъ или о передачѣ ихъ земли другимъ плательщикамъ. Справедливѣе думать, что оброчники были богатые люди, которые, мѣняя земледѣліе на торговлю или промыселъ, платили «подати», уступая за остальное пользованіе ихъ землей.

При такомъ пониманіи ихъ состояніе есть аргументъ, но не за, а противъ г. Панченко. Укажемъ, что въ актахъ м. Ксенофа монастырю дается право имѣть 30 париковъ «ἀμετόχους ἐν ῷ ἀν τόπῳ βούλοιντο». Кто скажетъ, что «передвиженіе» для этихъ париковъ доказательство ихъ свободы и τ έλος — суть ихъ «крѣпостничества», если они будутъ жить въ городѣ.

Но пока окончимъ.

Сознаемъ, что намъ не удалось ни обозрѣть книги Панченко во всѣхъ ея деталяхъ, ни обосновать точнѣе и яснѣе собственныхъ взглядовъ. Нашей задачей было только поспльно доказать, что Панченко поставленныхъ имъ вопросовъ еще не рѣшилъ и старыя постройки не разрушены настолько, чтобы нельзя было и думать о ихъ реставраціи.

Іеромонахъ Михаилъ.

J. Delaville Le Roulx. Les Hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre (1100—1310). Paris, E. Leroux, 1904, grand in-8°, XIII—440 pages. Prix: 15 francs.

"L'histoire de l'Hôpital Saint-Jean de Jérusalem, qui pendant sept siècles personnifia en Orient et dans le bassin de la Méditerrannée la lutte de la Croix contre le Croissant, se divise naturellement en trois grandes périodes, correspondant aux trois étapes principales de l'Ordre: Terre Sainte et Chypre (1100—1310), Rhodes (1310—1523), Malte (1530—1798). Le présent travail ne vise que la première de ces trois périodes.

¹⁾ М. М., t. VI № 34 Акт. Патмос. Панченко, стр. 157.